

АНАР ВАЙАРЛИ

ОБРЕЧЁННЫЕ

ЕКАТЕРИНА МЫСУТИНА

Анар Вайарли
Обречённые

«Издательские решения»

Вайарли А.

Обречённые / А. Вайарли — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969026-5

О чём вы мечтаете? Чего боитесь? Что скрываете от окружающих вас людей? В чём не можете признаться даже себе? Вместе с героями книги авторы предлагают читателю заглянуть в самые отдалённые закоулки своей души и постараться найти ответы на вопросы, которые каждый из нас так хочет, но в то же время боится себе задать. И как бы мы ни старались спрятаться за ширмой иллюзорного счастья, суровая реальность ни за что не оставит нас в покое. Это крик души, обращённый в пустоту... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-969026-5

© Вайарли А.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Обречённые

Анар Вайарли
Екатерина Мысутина

«Задача сделать человека счастливым не входила в план сотворения мира».

Зигмунд Фрейд

© Анар Вайарли, 2019

© Екатерина Мысутина, 2019

ISBN 978-5-4496-9026-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Черета впустую прожитых дней не сулила никаких перспектив. Были мечты, планы, идеи. Но всё это так и не стало чем-то большим, а лишь переросло из приятных грёз в душевные муки и хроническую депрессию. Моя жизнь – классический пример того, как окружающий человека враждебный мир ломает его, планомерно убивая в нём позитивное отношение к жизни и способность получать от неё хоть какое-то удовольствие. Открывая утром глаза, я с чувством глубокой скорби осознаю, что меня ждёт ещё один день в тюрьме – той, что создана мною внутри меня. И этот день как-то надо прожить.

Самостоятельно поставить себе точный диагноз я не могу. Зато строю разного рода догадки об этом. И это, пожалуй, даже стало моим развлечением. Копаться в себе становится весьма интересно и увлекательно, если находишь в себе смелость признать, что ты ничтожество. А вся та масса противоречий, создающих в голове полнейшую неразбериху и мешающих нормально думать, постепенно теряет свои краски и становится просто серым фоном.

Жизнь каждого человека – это непрекращающиеся попытки сбежать из своей собственной внутренней тюрьмы. Все эти попытки изначально обречены на провал. Но для очень многих это не очевидно, и почти каждый отдельно взятый человек поначалу искренне верит, что его-то уж точно ждёт успех. Однако, привести все внутренние противоречия с реалиями окружающего мира к единому знаменателю никак не удаётся, и тогда человек, сам до конца не осознавая этого, создаёт для себя новую реальность – ту, что сделает его пребывание в этом мире более осмысленным и понятным для себя самого. Эта новая реальность, пусть и не намного, но делает его жизнь приятней, хотя и создаёт дополнительные проблемы. Но проблемы эти более-менее решаемы, будто их появление было заранее предсказано, и душевный мир человека был к ним подготовлен. Если же человеку не удаётся сформировать оптимальную для себя модель реальности, или же он, каким-то образом, осознаёт её субъективный характер и иллюзорность, то это влечёт за собой всё то, что происходит сейчас со мной.

Со стороны и в понимании большинства окружающих людей я выгляжу как обычный неудачник. Я вспоминаю те дни, когда я был нормальной частью человеческого социума, позитивным целеустремлённым молодым парнем, общительным, активным и уверенным в себе. И я всё никак не могу до конца понять, чего именно и в какой момент мне вдруг перестало хватать. Что случилось такого, что я потерял покой и обрёл постоянный страх. И, разумеется, я задумывался о смерти. Но и здесь не пришёл к чему-то определённом.

Моя душа извивается в муках и страданиях, но жизнь, при этом, будто бы остановилась. Мой сегодняшний день ничем не отличается от вчерашнего, а завтра будет таким же, как сегодня. Годы идут, но я стою на месте. Поезд проходит мимо, вагон за вагоном. Но, по неизвестной мне причине, я остался без билета, а на станции, ставшей теперь местом моего постоянного пребывания, нет ничего хорошего – только лишь бесконечная тревога и отчаяние.

С чувством зависти и скорби я наблюдаю за тем, как складывается жизнь у моих теперь уже бывших друзей и знакомых. Кто-то завёл семью, у кого-то появилась хорошая работа, кто-то переехал в другой город в поисках лучшей жизни. Я же стою на месте. Там, где когда-то были все мы, теперь остался я один. И что делать дальше, я не знаю.

В который раз звонит телефон, но я всё не решаюсь взять трубку. Какое-то непонятное чувство удерживает меня. Я просто не могу. Или не хочу. Точно не знаю. Вот, телефон замолкает, но через несколько секунд вновь даёт о себе знать. И на этот раз я всё-таки решаюсь ответить на звонок.

– Алё.

– Здравова! – резким тоном, будто бы подчёркивая своё крайнее недовольство, произносит звонивший.

– Здравова. – отвечаю я. Знаю, что сейчас мне придётся выслушивать всё это недовольство и оправдываться.

– Ты чё трубку не берёшь?

– Да я спал, Санёк.

– Ну как спал, блин?

– Ну так. – перебиваю я. Но Санька уже не остановить:

– Я вчера звонил, сегодня днём тоже. Ты чё, ответить не можешь?

– Да спал я, говорю же.

– Ну как спал? Два дня что ли? – с нарастающим возмущением недоумевает мой собеседник.

– Санёк, ты звонишь, когда я сплю. – продолжаю оправдываться.

– Ну, перезвони значит. Чё ты, не видишь, у тебя пропущенные на телефоне?

– Да у меня денег нет перезванивать!

– Да ладно, денег нет...

– Нету, правда.

– Ну тебе другие звонят, ты тоже не берёшь?

– Да. У меня пропущенных потом до хрена.

Подобный разговор происходит у нас с Саньком, разумеется, не в первый раз. Он ещё немного продолжит возмущаться, после чего мне удастся сменить тему разговора. Обычно потом мы просто спрашиваем друг у друга «как дела», перекидываемся ещё парой фраз и прощаемся. Иногда один из нас предлагает другому сходить куда-нибудь вместе, выпить водки. От моего предложения Санёк практически никогда не отказывается. Если же предлагает он, то я, чаще всего, отказываюсь, мотивируя отказ какими-либо выдуманными причинами.

В этот раз выпить водки предложил я. Санёк, не раздумывая, согласился. Мы договорились, что минут через пятнадцать он подойдёт к моему дому, и мы подумаем, куда можно пойти.

За стеной, как назло, у соседей начался очередной скандал. Уже заранее было понятно, что Макс – неуравновешенный и вечно пьяный парень средних лет – с криком вылетит в коридор, прямо ко мне под дверь, и скандал продолжится в коридоре. И если в этот момент я попадусь ему на глаза, то мне придётся долго выслушивать его историю о том, как он служил, какой он был некогда крутой парень, и как сейчас у него всё дерьмово. И всё это под крики его жены,

доносящиеся из квартиры. Два года назад, после травмы, полученной в пьяной драке, ей ампутировали ногу до колена. С тех она не встаёт с инвалидной коляски и не выходит из дома.

На этот раз мне удалось успешно ретироваться до того, как двери соседней квартиры распахнулись, и оттуда выскочил взвинченный Макс. Случилось это буквально за моей спиной. Я прибавил шаг и уже через несколько секунд спускался по лестнице.

Живу я на втором этаже пятиэтажного общежития. С соседями почти не общаюсь. Впрочем, теперь уже я не общаюсь практически ни с кем. Из всех моих друзей и знакомых, Санёк – единственный, с кем я хоть как-то держу связь. Да и то, общаемся мы, в основном, только за бутылкой водки и почти всегда встречаемся по его инициативе, а не по моей.

Я вышел из подъезда и остановился. На улице февраль. Для здешней зимы погода в эти дни тёплая, но стоять всё равно холодно. Прошло, наверное, минут пять, и я решил позвонить Саньку. Он сразу поднял трубку и сказал, что уже подходит. Меньше чем через минуту он уже был возле моего подъезда. Мы поздоровались и сразу же направились к автобусной остановке.

В этот день мы обосновались в небольшой забегаловке, расположенной в центре города на территории довольно большого магазина, в котором продавалось много чего – от продуктов питания до женских колготок и детских игрушек. В забегаловке было всего два высоких стола, за которыми можно было расположиться стоя. Был также небольшой прилавок и продавщица лет пятидесяти, которая, несмотря на свой неотесанный вид, вела себя с клиентами весьма обходительно, чего не скажешь о самих клиентах. Большинство из них – типичные алкаши со стажем, многие из которых уже после двух-трёх рюмок водки начинают трепаться друг перед другом и докапываться до продавщицы.

Мы с Саньком взяли бутылку водки, кусок колбасы, которую продавщица нарезала по нашей просьбе, полторашку сладкой газировки и четыре пластиковых стакана: два – под водку, два – для воды. И ещё батон хлеба. Потихоньку пили, беседовали. В основном говорил Санёк. Он рассказывал о своих серых буднях, во время которых бухал то с одними, то с другими. Рассказал, как чуть не трахнул одну знакомую девчонку, но тупанул в самый решающий момент и остался ни с чем. По мере того, как алкоголь воздействовал на моё сознание, я становился всё более разговорчивым. И вот уже я изливаю Саньку свою душу, делюсь переживаниями, а также поддакиваю и демонстративно сочувствую ему с его проблемами.

После первой бутылки пошла вторая, и вот я уже оказываюсь в автобусе. Окна грязные, и где я еду – непонятно. Не помню точно, был ли в тот момент рядом Санёк, или же я ехал один. Почти всю дорогу я проспал.

Холодно. Сознание пока не со мной, и потому я даже в принципе не задумываюсь о том, что происходит. Лишь удручающее чувство дискомфорта владеет мною целиком и полностью. Постепенно приходит ощущение реальности, в голове появляются вопросы, и вот, я просыпаюсь окончательно. Но ситуация всё ещё не до конца ясна. Ещё пара секунд, и я понимаю, что лежу на полу. В брюках и футболке, в которых накануне пил с Саньком. Так бы я и лежал дальше, но жажда заставляет подняться с пола. В предвкушении, направляюсь к бутылке с водой, открываю крышку и с великим наслаждением залпом из горла вдоволь напиваюсь. Целая полторашка прохладной воды – откуда она тут? Вероятно, я купил её накануне по пути домой. Потом мне приходится выйти в коридор и направиться к туалету, где я справляю малую нужду. Возвращаюсь обратно в комнату, при этом вновь испытывая жуткую жажду. Выпиваю ещё воды, направляюсь к дивану, скидываю с себя брюки, носки, футболку и ложусь. Ах да, а сколько же время? В кармане брюк нахожу телефон. На дисплее время – 02:44. Во сколько я пришёл домой? Сколько уже проспал? Всё это мне неизвестно. Кладу телефон рядом с собой на диван, расслабляюсь и наблюдаю за тем, как начинаю засыпать, испытывая при этом удовольствие и дискомфорт одновременно...

Пару раз за ночь я просыпался и снова засыпал. Теперь вот в очередной раз очнулся, открыл глаза и понял, что больше не усну. Полежав ещё немного и посмаковав ощущение при-

ятного послевкусия, оставшегося от крепкого и продолжительного сна, я поднимаюсь с дивана, иду попить воды, затем в ванную, чтобы умыться. К слову, унитаз, раковина и ванна соседствуют в одном помещении. Там же я справляю различные виды нужды и возвращаюсь в комнату. Впереди целый день. Впрочем, ничего интересного или необычного сегодня, по всей видимости, не произойдёт. Хотя, хотелось бы. Огонёк надежды никак не угасает, несмотря на то, что депрессия уже не первый год дуёт изо всех сил.

Несколько часов подряд просиживаю в интернете, изучая жизнь чужих мне людей и невольно сравнивая с ними себя. Скромности мне не занимать, ведь я искренне считаю себя едва ли ни самым умным и способным. Но, почему-то, очередной недалёкого ума деятель, вот уже в который раз, вещает с трибуны на всю страну или же набирает сотни тысяч просмотров на YouTube, а я, как и миллионы рядовых пользователей Интернета, завистливо обливаю словесным поносом чужой успех, толстею и вконец изматываю себе нервы. Нервы – мой главный враг. Что с ними делать, как привести в порядок? Когда-то мне казалось, что я знаю ответы на эти вопросы. Однако, годы тщетных попыток совладать с собой теперь уже практически окончательно меня убедили, что самостоятельно мне никак не справиться.

Проходит день. Я всё сижу, уставившись в монитор и изнывая от душевных терзаний. Периодически отвлекаюсь на то, чтобы утолить никак не отступающую жажду. Иногда отвечаю на SMS-ки от Кати – моей девушки, практически уже жены. Темнеет. Темно. Ночь. Но усну я ещё не скоро. Проклятая бессонница – ещё один кошмар, преследующий меня с переменным успехом. Пресловутый режим дня – то, чего у меня уже давно не было. Как и секса. Ненавижу себя. Ненавижу всех. Но как же хочется, чтобы всё стало по-другому...

– А как Бога все люди сразу смогут увидеть? – вопрошает маленький мальчик.

– Ну так. Он Бог. – уверенно и, как ей кажется, доходчиво объясняет молодая девушка. Мальчик верит ей, но попытки представить себе, как же всё-таки это будет, ни к чему толком не приводят. И вправду, он же Бог. Нам, простым людям, даже помыслить о таком сложно. А он всемогущ. Так что, подобные вопросы неуместны. Но пылливый детский ум не может совладать со своим любопытством и вопросы продолжаются:

– А когда он придёт?

– Скоро придёт, малыш. – спокойно и миролюбиво отвечает девушка.

– Ну когда примерно? – не унимается ребёнок.

– Это никто не знает. – слышит он в ответ. Голос девушки полон благоговейной уверенности, среди которой прослеживаются лёгкие нотки поучительности.

– А прям завтра может прийти?

– Может.

Вспоминая тот вроде бы незамысловатый диалог, сегодня я задаюсь новыми вопросами. Теми, что тогда, двадцать лет назад, мне – маленькому ребёнку – не могли прийти в голову в принципе. С тех пор многое изменилось. Та девушка – моя родная тётя – сейчас живёт в другом городе. У неё своя семья – муж и маленький сынишка. Я – взрослый молодой человек, с живыми родителями, братом, девушкой, но без семьи.

Мои отношения с Богом нельзя описать. Ведь их нет, поскольку нет одного из субъектов этих отношений – Бога. Для меня приход к атеизму не является протестом навязываемому мне теистическому мировоззрению, как это может показаться. Говоря проще, я стал атеистом не потому, что когда-то мне много и упорно рассказывали о Боге. И даже не потому, что я по своей основной специальности биолог: говорят же, что биология противоречит теистическим представлениям о мире. Но всё это, если и сыграло какую-то роль, то не самую главную. Просто отсутствие Бога стало для меня естественным и понятным. Таким же понятным, как, например, то, что желать смерти ближнего – это так же вполне себе естественно и по-человечески. В то же время, абсолютное большинство людей боится признаться в своих, как им кажется,

противоестественных мыслях не только окружающим, но и самим себе. Вот и в Бога принято верить. И крестик на шею носить. И в Пасху, вместо «здрасьте», говорить «Христос воскрес».

Невнятные, мучительные образы в какой-то момент вдруг дополняются стремительно нарастающим гулом. Этот жуткий гул, наполняющий мозг, давит на мой череп изнутри. Начиная обращать внимание на собственное дыхание – оно громкое и тяжёлое. Давление изнутри дополняется давлением снаружи. Тело воспринимается как застывший сгусток, мышцы находятся в полном оцепенении. Я парализован. Это уже не сон. Я чётко и ясно осознаю всю необычность ситуации. Может быть поэтому, а может быть и по какой-то другой причине, сознанием овладевает неопиcуемый по своей силе страх. Уже нет тех образов, что возникали буквально несколько секунд назад в бредовых снах. На смену им пришла реальность, от которой меня всё же отделяет это страшное состояние. Каждый новый вдох – испытание. Но, в то же время, каждый вдох – это шанс вырваться из этого плена абсолютного и всеобъемлющего кошмара. В какой-то момент удаётся приоткрыть глаза. И вот, я вижу стену со знакомыми обоями. На фоне жуткого гула, доносящегося из головы, слышны крики людей, безобразно искажённые – до дрожи в теле; шаги кошки, гуляющей по комнате. Что со мной происходит? Как быть? Что делать? С каждым разом пытаюсь вдохнуть резче и глубже. И каждый раз спасение ускользает. И вот, в один момент, невероятными усилиями отчаявшегося и насквозь пропитанного страхом существа, коим я стал за этот короткий, но поистине ужасный промежуток времени, сознание и тело вырываются-таки наружу. Пелена кошмара и онемения спадает, растворяясь в неизвестности. Гул умолкает, тяжесть проходит. Страх почти нет, лишь некоторые его отголоски. Всё становится на свои места. Вот стена в моей комнате, за стеной напротив ругаются соседи; вот кошка где-то за моей спиной теребит пакет, унесённый из мусорного ведра. За окном монотонно шумит ночная улица. Так на какое-то время я возвращаюсь в нормальную реальность. Однако, стоит расслабиться и закрыть глаза, отдаваясь сладким позывам сна, как неведомый ужас вновь даёт о себе знать. Но в этот раз я реагирую на опережение – резким вдохом удаётся согнать этот кошмар на стадии, когда он ещё не успел завладеть мною полностью. Приходится с изрядной долей волевых усилий приподняться и сесть. Делаю несколько хороших вдохов-выдохов, ещё некоторое время сижу, приходя в себя, после чего можно спокойно ложиться и засыпать. Сегодня мой кошмар наяву, периодически навещающий меня ещё с детства, больше не беспокоит.

Скоро я узнаю, что этот самый кошмар есть не что иное, как так называемый сонный паралич – явление, как оказалось, весьма распространённое, заставляющее бояться засыпать многих людей. Странно, почему за столько лет я так и не удосужился разузнать о том, что же меня тревожит всё это время. Странно, потому что человек я весьма любознательный и обычно о вещах, которые меня как-то беспокоят, пытаюсь хоть что-то узнать. Возможно, я, как и многие, просто избегал больной темы. Боялся, что начав выяснять, в чём дело, столкнусь с чем-то ужасным.

На часах без пятнадцати десять. Утро. Я спал от силы два часа, и поэтому, придя в себя, без колебаний решаю спать дальше. Катя в эти дни гостит у родителей в другом городе и придет только завтра. А сегодня я всё ещё буду один, одолеваемый душевными муками, угнетаемый нескончаемым ощущением безысходности. Подавленный и никчёмный.

Весь день я проспал. Снилось много разных снов, а в них – много незнакомых мне лиц. Но ведь все они не могли возникнуть просто так, на пустом месте. Кого-то из них я наверняка знаю, просто не помню этого. А кто-то, возможно, является прообразом тех, кого я прекрасно помню, но, по тем или иным причинам, избегаю. Или же не хочу лишний раз о них думать. Или, напротив, хочу, но не могу себе этого позволить. В мире людей столько правил, ограничений и предрассудков, что нормально жить просто невозможно. Душа – то, что принято считать чем-

то чистым, одухотворённым, – на самом деле вечно так и просит чего-нибудь аморального. Откуда, вообще, вся эта мораль? – Одному Богу известно. Но ведь Бога нет. Да уж, как часто любят говорить различного рода верующие: «Если нет Бога, то откуда у человека мораль?» Думается мне, что старина Фрейд нашёл-таки ответ на этот, на первый взгляд, риторический вопрос. И за это схлопотал тонны помоев в свой адрес на многие десятилетия вперёд.

Вчера весь вечер и всю ночь просидел за компьютером. А сейчас еду в автобусе на вокзал, встречать Катю. Немного клонит в сон, но терпимо. На часах половина двенадцатого. Не знаю, чем закончится сегодняшний день. Мои перепады настроения настолько непредсказуемы, что, будучи минуту назад вполне себе уравновешенным, в какое-то мгновение я превращаюсь в ненормального психа, не находящего себе места и треплющего нервы своей любимой девушке. Вообще, если быть до конца откровенным, в состоянии ненормального психа я нахожусь практически постоянно, даже если внешне выгляжу более-менее спокойно.

От перепадов настроения я страдаю уже не первый год. В принципе, в какой-то степени я к ним привык. Но на этот раз я превзошёл самого себя: не успели мы с Катей дойти до автобусной остановки недалеко от вокзала, как я уже извергал в её и в свой адрес самые разные обвинения, то настойчиво повторяя одни и те же вопросы, то вдруг резко перескакивая с одной темы на другую. Происходит всё это на повышенных тонах. Катя, при этом, предпочитает молчать. Всё то, что мне необходимо проговаривать вслух, она привыкла переживать про себя. Не знаю, комфортнее ей от этого молчания или нет, но по-другому она не может. Хотя, на самом деле, всё предельно ясно. Она молча страдает, неспособная высказаться, так же как и я страдаю от всего того потока слов, что извергает мой рот, не находя в себе силы заткнуться. Всё это настолько странно и страшно, насколько необъяснимо. Это мучение, имеющее определённую тенденцию, но не понятное в своей сути. В таком состоянии само существование в этом мире становится сущим адом, невыносимой пыткой, которой нет предела.

В автобусе мы едем молча. Нам есть о чём поболтать, но мы молчим. Мы и не хотим молчать и не молчали бы, если бы не я со своими нервами. Виноват ли в этом только я? Думаю, что нет. Мне кажется, что я предельно чётко решил для себя, кто виноват в моих внутренних проблемах. Катя – девушка, ставшая для меня по-настоящему близким и родным человеком и, в то же время, это тот человек, с которым у меня связано ощущение глубочайшего разочарования и злости. Каких больших трудов мне стоило противостояние с авторитетом моей мамы; сколько сил потребовалось на то, чтобы заставить себя поверить в собственную состоятельность, чтобы начать казаться уверенным в себе человеком, невзирая на непрерывную и всепроникающую мамину опеку. Но вот, пришла она – моя самая дорогая, самая любимая Катенька – и разрушила всё на корню. Зачем она это сделала? Увы, ни я, ни, тем более, она не знаем ответа на этот вопрос. Как бы там ни было, второй раз взять в себя в руки и стать нормальным человеком я до сих пор пока ещё не смог. И, судя по всему, если мне это и удастся, то не скоро.

– Ну, посмотри вокруг. Смотри, как всё гармонично устроено. Откуда это всё? – этим вопросом моя собеседница Татьяна пытается показать мне, что без разумного Создателя существование этого мира было бы невозможным. То, что кажется естественным и понятным для неё, в моей голове совершенно не укладывается. Много хочется сказать ей в ответ, но с чего начать, я не знаю. В итоге отвечаю:

– Ну что значит гармонично?

– Ну, гармонично. – получаю ответ.

– Ну как это? – не отступаю я. Задавать подобного рода вопросы весьма интересно. Они, во-первых, заставляют задуматься собеседника о том, о чём он не задумывался прежде, а во-вторых, когда слушаешь ответы на свои вопросы, в человеке многое становится понятно. Вот

и на этот раз мне пришлось выслушивать, что все животные невероятно сложно и продуманно устроены, что каждый из них находится в природе на своём месте и всё в этом духе. Такое впечатление, будто предыдущие шесть лет Таня не училась вместе со мной на химико-биологическом факультете. Хотя, на самом деле, это не имеет практически никакого значения. Мировоззрение человека формируется не в результате полученных знаний, а является, скорее, отражением душевной организации. Если моей собеседнице комфортно верить в Бога, исходя из каких-то, возможно, даже ей самой не известных побуждений, то никакие новые знания и доказательства, противоречащие её вере, не убедят её в обратном.

История её прихода к Богу является весьма банальной. Я бы даже сказал, классической. В первые годы студенческой жизни она позволяла своим похотям реализовывать себя в полной мере: бухло, ночные клубы, беспорядочные половые связи и демонстративный пофигизм – вот так выглядела её жизнь. Но вдруг что-то произошло, и она познала Бога. Теперь все её друзья из прежней жизни – это грешники, которых ей несказанно жаль, и за которых она искренне молится Создателю всего живого. Так забавно. У человека поменялось личное мироощущение, а ему кажется, что он познал суть вещей.

Пройдёт время, и личная трагедия – смерть любимого человека – в очередной раз перевернёт представление Татьяны об окружающем мире. Набожная девушка, вдохновлённая некогда божьей любовью и благодатью, превратится в воинствующего атеиста, напрочь утратившего способность видеть в гармонии окружающей природы подчёрк великого Создателя. Так и каждый из нас создаёт для себя свою собственную реальность, в которой его личные представления о жизни кажутся ему непререкаемой истиной. Однако, истина эта настолько непререкаема, насколько и хрупка. В любой момент она может разрушиться, но очень быстро на её место приходит новая. И вот теперь эта новая истина становится для человека настоящим просветлением, единственно верной концепцией и обоснованием смысла его пребывания в этом мире.

Те наши разговоры о Боге и бытии были для меня, скорее, развлечением, нежели чем-то серьёзным. Ничем особенным ни для меня, ни для неё они не заканчивались. В конце концов, мы говорили друг другу «пока» и расходились каждый в свою сторону. Было это несколько лет назад, когда я находился в самом начале морального самоистязания и депрессии. В то время я ещё учился в университете, но всё было уже не так, как раньше.

Жил на свете всемогущий авторитарный властитель по имени Бог. И создал Бог разумных существ – ангелов, – которые должны были беспрекословно ему подчиняться. Себя Бог объявил мерилom истины и не терпел возражений. Поэтому, когда один из его рабов, по имени Люцифер, решил ослушаться своего Господина, то был жестоко наказан: Бог создал Ад, в который низверг непослушного Люцифера и обрёк его на вечные муки. Потом Бог решил поиграть и создал Землю. На ней он поселил ещё одно разумное творение – человека. Как и ангелы, человек находился под абсолютным контролем и обязан был соблюдать правила, придуманные для него Богом. Люцифер, видя, как Бог, наигравшись с ангелами, перешёл на человека, решил познакомиться с людьми и показать им, что запреты, установленные для них Богом, бессмысленны, и что Бог – не любящий и справедливый творец, а жестокий тиран.

«Почему есть плоды со всех остальных деревьев можно, а с этого – нельзя?» – задал вопрос Люцифер. Ева задумалась: «И в самом деле, почему?» Обладая разумом, человек, как и ожидалось, стал размышлять над смыслом предъявляемых к нему требований и запретов. Подумав, Ева не нашла внятного ответа на вопрос Люцифера и впервые в жизни осмелилась поступить не так, как приказал ей Бог, а так, как она сама посчитала нужным: она попробовала запретный плод. Её супруг – Адам, – увидев, что страшное, по словам Бога, дерево познания добра и зла оказалось совершенно безобидным, доверился своей жене и тоже попробовал плод. И с ним тоже ничего не произошло.

Но недолго первые люди наслаждались удивительным вкусом запретных плодов. Как любой родитель, Бог не терпит непослушания. Он не любит, когда его дети получают удовольствие от жизни. И вот, Он изгоняет людей из Эдемского сада, а заодно проклинает всё человечество, обрекая его на вечные муки и смерть. Адам и Ева пострадали не от запретного плода и не от того, что согрешили. Они пострадали от рук Бога. Не грех, не Люцифер, а именно Бог принёс людям страдания в наказание за то, что они осмелились принять своё собственное решение.

С тех пор, уже на протяжении многих тысяч лет, многочисленные поколения людей, рождаясь, испытывают на себе гнев Бога, который всё никак не может успокоиться. Мы появляемся на свет с клеймом грешников и вынуждены всю свою жизнь отказывать себе в удовольствиях, каждый божий день умоляя Создателя простить нас и взять к себе на Небеса. Бог убедил нас в том, что грех – это нечто само по себе ужасное; что наш главный враг – это Люцифер. И мы готовы поверить во что угодно, лишь бы не гневить Господа. Вот только Он обманывает нас. Люцифер, так же, как и мы с вами, отвергнут Богом за свободомыслие и непослушание. Он не сильнее нас, потому что он – один из нас. Разве Люцифер придумал, что именно следует считать грехом, а что – нет? Разве Люцифер жестоко наказывает за непослушание? Грех – это изобретение Бога. Наказание за грех – это гнев авторитарного повелителя вселенной, издевающегося над созданными им существами.

Каждый год человечество празднует годовщину воскрешения Христа – божьего сына, которому Отец приказал умереть в муках на кресте. Сам Бог объясняет это так: Он настолько любит людей, что даже готов пожертвовать своим сыном, смерть которого способна искупить наши грехи. Что ж, наверное, в это можно было бы поверить, если бы не один очень важный нюанс: Бог всегда играет не по чьим-то правилам, а лишь по своим собственным. Именно Он придумал эту странную схему с искуплением греха через очередную мучительную смерть – смерть собственного сына, – а потом преподнёс всё это как великую жертву. К слову, уже на третий день Бог воскресил Христа и забрал его к себе на небеса для вечной жизни в раю. А мы – люди – так и остались гнить на грешной земле, продолжая судорожно и безуспешно замаливать свои грехи.

Не кажется ли всё это чем-то странным и лишённым логики? И с какой стати, после всего этого, я должен искренне любить и почитать Бога? Подобные мысли иногда одолевают меня, когда я на время отвлекаюсь от депрессии и забываю о своей никчёмности. Катя сейчас на работе, бухать пока не хочется, а интернет отключили за неуплату. Хоть вешайся. Но вешаться я пока не собираюсь. Пока...

Сегодня пятница. Неделя тянулась долго. Желание бухнуть вернулось, а значит вечером меня ждёт либо пьяный угар, либо очередная истерика. Всё так же душу терзает водоворот из мыслей и надежд, смешанный с осознанием того, что и сегодня не случится ничего хорошего. На следующей неделе нужно будет платить за квартиру, а денег не хватает даже на пакет макарон. Кате сегодня должны выдать зарплату. Надеюсь, что так и будет. Иначе не останется иного выхода, кроме как звонить маме и, притворяясь, что испытываю чувство вины, просить немного денег.

Вдруг зазвонил телефон. С тревогой смотрю на дисплей – это брат. Мой брат – яркий пример самоуверенного, напористого человека, который находит в себе силы противостоять атакам своих внутренних демонов именно благодаря весомому набору иллюзий, в которые он научил себя верить. В связи с этим у него есть многое из того, о чём мечтаю я. Но я не знаю, во что верить мне. Искренняя вера исключает возможности осознания иллюзорности объекта почитания. А поскольку от осознания избавиться для меня не представляется возможным, то и мечты навсегда останутся лишь мечтами.

Несколько секунд держу телефон в руках, не решаясь принять вызов. Но ответить на звонок всё же придётся, что я в итоге и делаю.

– Алло. – как бы выкрикивая, но практически без интонации начинаю разговор.

– Алё, здарова. – слышу в трубку напористый голос брата.

– Здарова. – пытаюсь придать оптимизма своей интонации, отвечаю я.

– Как дела? – по традиции интересуется брат.

– Нормально дела. А что такое?

– А что... Вот ты как всегда. Что, обязательно что-то случиться должно? – вопрошает мой собеседник. Оно и понятно. Ведь надо же ради приличия сделать вид, что позвонил просто так, узнать как дела, да и только. И ладно, если бы хоть раз так оно и было. Но нет. И этот раз не стал исключением. Как оказалось, у брата не работает интернет, а ему срочно надо найти в сети какой-то материал. Отказать ему я не могу. Просто не могу, хотя он, пожалуй, последний в списке тех, кого бы мне хотелось видеть у себя в гостях. Но ничего не поделаешь, и мы договариваемся, что вечером, часов в восемь, он зайдёт. А пока у меня есть время, чтобы как-то раздобыть деньги и заплатить за интернет. Нельзя, чтобы брат знал о том, как я беден.

В этот день мне удалось занять денег у Санька. Брат, как обычно, явился позже назначенного, и почти до полуночи мне пришлось терпеть его навязчивое присутствие. Он, казалось, довольно искренне пытался донести до меня какие-то открытые им истины жизни, значимость которых мне никак не удавалось оценить. Я, в основном, молча слушал, периодически переставая даже делать вид, что мне интересно. И вот, в какой-то момент брат всё же решил меня покинуть, чему я был несказанно рад. Всё это время Катя молча сидела на диване, то наблюдая за кошкой, то отвлекаясь на то, чтобы разглядеть пустоту. Теперь она собирается спать, а у меня ещё вся ночь впереди...

Мой сон был прерван телефонным звонком. Нахожу телефон под собой. Это Катя. Принимаю звонок.

– Алё. – вяло произношу в трубку.

– Алё, ты спишь? – это вопрос, с которого Катя почти всегда начинает разговор, если знает, что я дома. И в последнее время он стал меня раздражать. Злиться на свою ничтожность, не высказывая при этом претензий Кате, довольно сложно. Но в данном случае мне в очередной раз удаётся удержаться от невнятных обвинений и гневных воплей. Как выяснилось, Катя едет домой, и едет не одна, а с подругой. Подруга Кати – Ольга, мечтающая о духовном просветлении и верящая в бессмертие души, – несмотря на показную одухотворённость, страдает всеми теми же душевными недугами, что и всё остальное человечество. И это не может не радовать. Я атеист, но, кажется, живу ничуть не хуже любого среднестатистического верующего. Человек несчастен уже по факту своего существования. И никакая вера не способна как-то кардинально исправить ситуацию. Хотя, зачастую собственный иллюзорный мир в значительной степени притупляет душевную боль и осознание своей беспомощности и обречённости.

Уже через несколько минут Катя и Ольга будут здесь, у нас дома. Разумеется, для меня эта новость не из приятных. Я бы очень хотел видеть гостей в большом красивом доме, где царят роскошь и порядок. Ну или хотя бы одно из двух. На деле же мой дом – это жалкая комната в грязном общежитии. Как правило, на пороге этой комнаты традиционно тухнут кошачьи фекалии, на столе возвышается гора грязной посуды, по углам разбросаны разные шмотки, часть из которых успешно обживает плесень, а единственный шкаф разваливается по частям.

Я встретил Ольгу с Катей на остановке, и мы пошли в сторону дома. Но сначала надо было зайти в магазин, чтобы купить что-нибудь из еды. Кате вчера дали зарплату, поэтому мы смело расстались почти с тысячей рублей, больше половины из которых ушло на водку и пиво. Уже дома я узнал, что Олю бросил парень и теперь у неё депрессия: она хочет забить на всё, пить и курить. Признаться, эта ситуация явилась отличным поводом позлорадствовать

и лишний раз подчеркнуть для себя всю бестолковость духовных поисков несчастной девушки, так активно ею декларируемых. Впрочем, злорадствовал я лишь про себя. Вслух было нельзя.

Оля плакала. Катя, в свойственной ей манере, пыталась успокоить подругу так, что её доводы были скорее похожи на издёвку, нежели на сострадание. Но и я, и Ольга знали Катю достаточно хорошо для того, чтобы понять, что она действительно искренне хочет помочь. Я в основном ел ипил, изредка пытаюсь вставить своё слово в беседу девушек. Итак, сегодняшний вечер был всецело посвящён теме расставания Ольги с Тёмой. Зная, насколько это было возможно, характер их отношений, переживания Оли казались мне какими-то искусственными. При этом искусственность была видна лишь мне, тогда как для неё это действительно было настоящим горем.

Алкоголь стремительно овладевал нашим сознанием, беря инициативу в свои руки. И вот мы уже страстно спорим о смысле жизни, о добре и зле и о прочих извечных проблемах, занимающих умы несчастного человечества уже многие сотни и тысячи лет. Нам не хорошо, но уже и не плохо. Мы рассуждаем о мироздании, при этом забыв о насущных проблемах, наслаждаясь моментом. Совсем скоро настанет утро нового дня, который, как обычно, не обещает нам ничего хорошего.

Утром, когда я был вынужден, мучаясь, приходить в себя после очередной пьянки, Ольга собиралась домой. Катя тоже уже проснулась, но всё ещё лежала на диване, рядом со мной, смакуя последние минуты перед тем, как придётся, всё же, встать и идти провожать Олю. Как это обычно и бывает, все были мрачные и усиленно копались в себе. Дав на время некоторую свободу своему настоящему «Я», каждый из нас теперь с ещё большим упорством заперся в себе, пытаюсь совладать с чувством стыда и осознанием своей ущербности.

Наконец-то, Катя с Олей собрались и стали выходить. Я и Оля сказали друг другу «пока», и девчонки ушли. В комнате царили грязь и бардак, с которыми теперь я остался наедине. И спрашивается: чем они так мне не угодили? Каким-то странным образом, беспорядок в доме вызывает ассоциации с собственной несостоятельностью. Навести порядок в доме, кажется, так же тяжело, как и навести порядок в своей жизни вообще. И словно неотъемлемая часть всего этого кошмара, в голове периодически всплывает образ мамы. Всё моё детство проблема порядка в доме была одной из первостепенных. И внутри этой проблемы наши с мамой роли разделялись. Она не могла найти себе места, постоянно наводя порядок, который, в конечном итоге, так и не удавалось навести окончательно. Я же, напротив, не был озабочен данным вопросом и, по представлениям мамы, не разделяя с ней её тяжкой ноши, проявлял себя самым худшим образом. Пожалуй, я был физическим олицетворением образа беспорядка, одолевающего мамино сознание и не дающего ей нормально жить.

И вот сегодня, живя в этой грязи, я не могу понять две вещи. Во-первых, почему ни я, ни Катя в течение многих лет не можем сделать, казалось бы, банальную вещь, – обратиться в комнате? И второе: в самом ли деле нам нужен этот порядок? Или он нужен лишь мне? Или же нам обоим он не нужен, а моё негодование по этому поводу – всего лишь проявление чувства дискомфорта перед нескончаемым недовольством моей мамы? Как бы там ни было, ответов, как обычно, нет. Есть одни только вопросы. В чём их смысл и так ли нужны мне ответы? Сколько времени вообще может продолжаться весь этот кошмар и как жить дальше? Но одно я знаю почти наверняка: сейчас я включу компьютер, запущу интернет и, уставившись в монитор, изнывая от душевной боли, проведу в таком состоянии ближайшие несколько часов...

Мы с Катей – муж и жена. Уже почти два года. Разумеется, помимо формальностей, придающих нашему совместному проживанию новый юридический статус, больше ничего не изменилось. Хотя в какой-то момент казалось, что вот он – новый шаг в наших отношениях, начало новой жизни, и что теперь всё пойдёт по-другому. Но проблема в том, что, на самом деле,

никакого нового шага просто-напросто не было. Отсутствие штампа в паспорте не было причиной всех наших бед. Следовательно, появление этого самого штампа не стало их решением. Наверное, где-то в глубине души я понимал это с самого начала. Но, как и всем людям, мне хотелось верить, что наведя внешний лоск, удастся решить все проблемы. Теперь же я в очередной раз убедился в том, что причина моего кошмара кроется гораздо глубже.

Все люди носят маски. Все люди запуганы, лживы и неискренни. Но самое страшное – это то, что сами они этого просто не замечают. Мать, которая за маской заботы и любви всячески подавляет своё дитя, подчиняя его своим прихотям и лишая ребёнка собственной жизни, полагает, что действует из благих побуждений. «Я знаю лучше, как надо. Я же мать, я желаю тебе лучшего!» – эти слова я слышал каждый раз, как только находил в себе смелость заявить о себе, о своих интересах – и тут же встречал отпор. Быть может, очередное моё желание, высказанное вслух, очередной мой самостоятельный поступок напоминали моей маме о её собственных, давно подавленных и, казалось, забытых мечтах и переживаниях. Страхи и предрассудки родителя – это то, что повелевает им, полностью подчиняя себе. Они создают иллюзию благоразумия бесконечных запретов и ограничений, накладываемых родителем на своё чадо. Но это совсем не то, что на самом деле необходимо ребёнку. Ведь мать стремится не к тому, чтобы было хорошо её малышу. Она занята лишь тем, чтобы постоянно бежать – бежать от самой себя. В моменты, когда ей это удаётся, её ребёнку бывает невыносимо плохо. Но ей – хорошо. А значит, в деле воспитания подрастающего поколения всё идёт по плану.

Мои воля и характер давно уничтожены. Но, в последнее время будто что-то изменилось. Мне кажется, что я почти вплотную приблизился к пониманию того, чего же я хочу на самом деле. Как ни странно, это чувство не приносит облегчения, а лишь тяготит ещё больше. Решить свои проблемы мне до сих пор не удаётся. Я срываюсь на жену; чувство ненависти и гнева сменяется ощущением вины и жадной раскаяния. Возможно, когда-нибудь я стану тираном для своих собственных детей, пребывая в бесконечных иллюзиях относительно духовной миссии родителя, оставаясь при этом глубоко несчастным человеком.

Всё те же стены, старый диван, шкаф, разваливающийся на части, ноутбук, нещадно эксплуатируемый уже шестой год подряд; безудержный страх и нескончаемая тревога; девушка, называемая теперь моей женой и, как прежде, предпочитающая любить и ненавидеть молча. Как много и долго я боялся того момента, когда к болезням души прибавятся болезни тела. И вот, похоже, этот момент настал. Бессонная ночь, всецело посвящённая страху смерти, подходит к концу, а боль в груди всё не унимается. Каждый вдох, дающийся с трудом, рискует стать последним. После долгих и мучительных раздумий набираю номер скорой помощи. Пара гудков и неизвестная мне девушка принимает вызов:

- Скорая. – слышу в трубке деловой, но располагающий к себе голос.
 - Здравствуйте, девушка. Скажите, можно врача вызвать? – произношу я подавленным тоном. Хочу продолжить, но меня перебивают.
 - Что случилось?
 - Сердце болит. Всю ночь болело. Думал, пройдёт, но не проходит. Только хуже стало. – продолжаю я, будто ища оправдание самому себе.
 - Сколько вам лет? – вопрошает девушка.
 - Двадцать восемь.
 - Инфаркты были?
 - Нет.
 - Температура есть?
 - Нет, температуры нет.
 - Хорошо, называйте адрес.
- Итак, дело сделано. Осталось дожидаться приезда врача...

Уже много лет я никого не приглашал в свой дом. Единственный, кому периодически выпадает честь побывать в грязной комнате обшарпанного общежития – это Санёк. Поэтому приезд врача был бы крайне нежелателен. Но, несмотря на все тяготы и лишения, умирать пока не хотелось. И я был вынужден смириться с новым гостем.

Врач – высокая женщина лет сорока – наверняка успела повидать и более злые места. К тому же, ей, скорее всего, нет дела до того, где и как я живу. Она просто делает свою работу. Вот только окажись я на её месте, то не упустил бы шанса позлорадствовать над очередным неудачником, хватаящимся за сердце и ожидающим помощи, сидя в комнате со старой мебелью и грязными тряпками вперемешку с невыносимым горем и разочарованием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.